Н. КОЛЕСНИКОВ.

Документальная повесть

О чем болит сердце

5. Иван Сысоевич

В этой истории, в общем-то, можно поставить точку. Да только нет сил расстаться (хотя бы мысленно) с теми, о ком уже успел рассказать. Вы уже знаете, как погиб наш славный комиссар Иван Сысоевич Викторчик. Но разве вы успели узнать его? Вот так и на войне. Бывает, не успеешь с человеком и пуда соли съесть, а его уже вырвала из жизни проклятая пуля или случайный осколок. И лишь в памяти он остается. Остается надолго. А порою навсегда.

Вот так и сейчас. Рассказал я о гибели нашего комиссара, а образ его все возвращается и возвращается в памяти. И чувствую, что надо рассказать о нем еще. А заодно и о том, почему его гибель так больно ударила по нашему старшине Клюеву.

Наша повозка, утопая в грязи, медленно продвигалась вперед. Затуркан-ная лошадь, напрягая все свои силы, тащила непомерный в такую пору груз. Была вторая половина марта Это сейчас приходит образ: возрождающаяся природа. А тогда мы, уставшие донельзя, смотрели на унылые окрестности. Снег остался плешинами на бурой земле. И тем еще более выделялся, подчеркивая, что все в этом мире преходяще. Спелые облака кучковались, предвещая перемену погоды. У нас тоже предстояли перемены. И это случайное совпадение не давало покоя, тянуло на откровенность.

— Комбат, а ведь тысячу раз был прав маршал Жуков, когда прилетал к нам под Харьков, — сказал Викторчик, продолжая начатый разговор. — Помнишь, он нам говорил: взорвем хоть всю технику до последнего миномета — Родина нам простит, потеряем людей — нам никогда не простят их жены, матери, дети.

Мы обернулись. Сзади пробивалась через грязь еще одна повозка, запряженная немецким битюгом. На ней попеременно отдыхали наши солдаты. Глядя на них и не скажешь, что еще позавчера никто из них, ни я, ни комиссар Викторчик не знали, будем ли сегодня вот так спокойно идти по родной земле. Позавчера мы выходили из окружения.

— Ты прав, комиссар. Ты всегда прав. Но главное: говоришь, а за твоими словами не то что смысл, нет, жизнь кроется.

Этой жизнью и были в тот момент люди. Люди, шедшие по нашему и по параллельным проселкам. Те, кто вышел из под Харькова.

— Но однако же ты можешь быть жесток. Уж сегодня-то сам бог велел сделать лишний привал. Торопиться-то все равно некуда. Ведь успеваем к назначенному времени.

— А ты что, прямо здесь, в болоте отдыхать собрался?—удивился Викторчик.

— Да нет, почему же. Вот взберемся на пригорок. Там, думаю, получше.

— Ну-ну. Взберешься на пригорок и увидишь деревеньку в пяти километрах. А это еще час хотьбы. Зато и отдых, как отдых будет.

—Ай да комиссар! Все предусмотрел.

Я не боялся лишний раз сказать этому человеку доброе слово. Да и можно ли было молчать, когда главная его забота была — люди.

От этой самой деревеньки до места дислокации нашей дивизии надо было еще шагать и шагать. Это, примерно, километров тридцать не доходя Белой Церкви. Сутки! Не меньше. Конечный наш путь — село Сидоркино. И после удачного привала злость на самого себя прибавляла сил.

А как ей не вскипать, злости. Если еще недавно такой город, как Харьков, мы считали освобожденным, а теперь вот идем, вновь оглядывая сожженные деревни. Ни одной, где бы стоял пусть одинокий, но целый дом. Печные трубы молча и с укоризной глядели на нас. А мы все шли и шли. То там, то здесь, копались бабы да мальчишки, устраивая из уцелевших бревен и досок землянки. И где бы мы ни объявили привал, он не был отдыхом, которого ждали уставшие ноги и плечи. Всюду мы впрягались в работу, костеря фашистов, срывая зло на наших замоpенных лошаденках. Уже не они — лошади — мы помогали им в дороге и здесь, в деревнях.

Уже под вечер в одной из таких деревень наш «привал» особенно затянулся. Да так, что ни рукой, ни ногой шевельнуть. Расположили на ночлег батарейцев и сами стали искать себе местечко. Как нас ни зазывали хозяева в только что покрытую землянку, мы не пошли. Пусть себе празднуют новоселье. К чему им чужие люди!

Предположительно завтра к полудню мы должны быть в Сидоркино. Както нас встретят. Уж ясно — по головке не погладят. Вон, всего две пушки вывели. И это из всей батареи! Конечно, мы могли и их взорвать: легче было бы пробираться, да против танков, в случае чего, одними гранатами тяжело пришлось бы отбиваться. Словом, сон не шел.

— Николай! — позвал Викторчик. — Ты помнишь, на шоссе Мерефа-Харьков мы лежали в болоте полтора суток.

Помню. Здесь рай против того ледникового периода.

— Да нет, я не о том. Не взбодрить тебя решил. Вспомнил нашего комсорга Степанюка.

Как же не помнить! В таких обстоятельствах каждый рядовой боец — не только герой, но и стратег. Вот и Степанюк, наш лучший наводчик. Подполз ко мне. Бушлат промок. Сам дрожит, что зуб на зуб не попадает, но думает, что твой шахматист:

— Товарищ комбат! Мы же не мокрые курицы. Мы же бойцы Красной Армии. Что с того, что из окружения выходим. Надо бить фрицев, когда есть возможность. А возможность вот она: слышите, никак танки по шоссе идут.

— А мы что делаем? — спрашиваю.

— А мы прорываемся. Давайте ударим!

— Из двух орудий? Одно — первую машину, второе — замыкающую. Немцы, само собой — в панику и победа в кармане? — спрашиваю его. — А ты учел, что они на крыльях победы? Будь нас полный штат, со всеми орудиями, они и тогда не задумываясь примут бой..

— Нет, комбат. Я хитрость задумал. Первого и последнего сбить, — это хорошо. Танки с шоссе не сойдут. Куда в болото соваться. Но и паники у них не возникнет. А вот если мы среднюю машину кокнем, а после—крайние. Тогда другое дело.

Что ж тут спрашивать, как из двух орудий разом поджечь три танка, когда на каждого из нас, считай, по десять гранат, но кого послать? А Степанюк торопит:

— Так принимаете, товарищ старший лейтенант? Я и пойду. А за меня Василий комсоргом останется. Он парень толковый!

Все ближе немецкие танки. Мы их слышим уже минут пятнадцать, уже все готово к их встрече: Уже вторую папиросу смолит Степанюк под кусточком, метрах в десяти от шоссе. У него под плащ-палаткой, прямо на теле, привязаны две гранаты. Обвязывался он на виду у всех. Одна граната — под рукой. Но ее он в дело не пустит. Это сразу стало ясно, ведь лучше всего, если колонна остановится, чтобы наводчикам не суетиться и бить наверняка. А как остановить ее? Только один способ — выйти на шоссе. Вот он и решился. И вернуть его невозможно. Нет такого приказа, чтобы остановить человека от поступка, какой совершил Степанюк. Впрочем, этот поступок и именуется подвигом.

Он вышел на шоссе спокойно, будто для того, чтобы переждать эту колонну идущих один за одним танков. Поднялся на бровку, когда головная машина уже проехала, Теперь оставалось ждать: или пулеметная очередь сразит его, или кто-то все же притормозит. Лишь шестая машина встала перед Степанюком. Встали и остальные.

— Ну, Саша! В сторону! Ты сделал дело! Неслось в голове, когда я доворачивал прицел, ожидая первого выстрела. Сейчас, когда по замыкающей машине ударит второй расчет, он кинется в кювет, как договорились, — все таки шанс. В этот же момент саданем и мы.

Почти одновременно загорелись первая и последняя машины. Шестая, перед которой стоял Степанюк, рванулась, всей своей многотонной массой навалилась на него и тут же вздрогнула от разрыва двух противотанковых гранат...

— Да, Сысоич! Это был настоящий солдат. — Только и сказал я.

— И настоящий человек, — добавил комиссар. — Ведь скажи, если бы Степанюк не пошел, мы бы успели поджечь три, от силы четыре «Тигра». А тут — сразу двенадцать! И главное — никто его не посылал. Наоборот, Отговаривали. А он... Вот это и есть — коммунист.

— Ты бы, комиссар, написал его матери, а я постараюсь пробить наградной лист, хотя сам понимаешь, — не наступали все же.

— Я уже написал. Ты вот что скажи мне, комбат. Кончится война. Если останемся живы, рассказать кому про этот случай, поверят?

— Вряд ли. Ведь глядя с печи, танк, он просто — железяка. Под него бросаться не надо. А ты что, комиссар, никак умирать собрался?

— Да нет, я лично предпочел бы в Берлине за победу нашу поднять свои положенные сто граммов. Да только вот Степанюк из головы не идет. Война она ведь от каждого в свой час решения требует.

— Ну уж ты никак казнишь себя? Разве ты не решал ни разу? Так это же спасибо тебе, что не погиб.

— Я не о том. Не о смерти я. О жизни сейчас говорю. — Викторчик встал. Закурили.

— Ну, о жизни, так о жизни. Я вот смотрю на тебя, Сысоич, и удивляюсь: ребята в тебя просто влюблены. Ты до войны был инструктором райкома, кажется, в Гомельской области?

— Насчет влюбленности, командир, это твои пустые опасения. Бойцы — не девицы, чтобы на меня кидаться. Да и девицы скорее тебе на шею повиснут. Я то для них стар уже.

— Нет, ты интересный человек. Я про Сеньку, а ты мне про Макара.

— Так не заводи глупых бесед. Чего спрашивать? С людьми работать не научишь человека, если он сам этого не хочет. Ты смотри, запоминай. Не копируй, но выводы делай: где вожжи натянуть, а где и приласкать. Сегодня мы в походе, а завтра — на передовой. Вот и ласкай сегодня. Завтра будет поздно. Завтра на смерть посылать будешь.

Но это так, Николай, теория. А человек — это индивидуальность, — продолжал он. — Ты пойди, сыщи на свете второго Колесникова или Викторчика. Хоть среди русских, хоть среди татар. Даже близнецы, знаешь ли, только внешностью неразличимы. А характером они абсолютно разные. Поэтому мы каждого знать должны. И подход находить к каждому свой.

— Хорошо тебе, комиссар, про подход, про индивидуальность рассуждать. Как по-писаному шпаришь. А я вот год в институте горное дело учил, сразу после школы. Потом — два года матчасть и прочее. И все—про артиллерию. А из чего человек состоит, как с ним работать, тут, понимаешь ли, пробел вышел.

(Продолжение следует)

(Продолжение. Начало в №№ 96, 99, 102, 108.)

Документальная повесть

дце

ведчики посмеивались: «Долгие сборы— пустые хлопоты». Зато расставание вышло трогательным и вовсе не уставным.

— Вернешься, богатырь, роту дам,— напутствовал начальник дивизионной разведки. — Через три месяца лейтенантом будешь. Добро?

— Какие разговоры! Разве одесситы отказывались от настоящей работы.

В самый последний момент, уже погружаясь в воду, Клюев вдруг подозвал к себе начальника разведки и что-то ему шепнул. Оказалось, что специалист по тайным делам,—так в эти дни за глаза звали Клюева, — придумал еще одну хитрость. Когда «плот» с разведчиками отчалит от нашего берега, хорошенько обстрелять его из двух пулеметов и после, пока он будет плыть, пустить по нему несколько «страховочных» очередей. Тогда немцы подумают, что мы боимся этой плывущей коряги, и успокоятся.

ВСЯ эта операция шла строго по плану. С той лишь корректировкой, что разведчики провели на том берегу не сутки, а трое суток. Зато унтер-офицер, добытый Клюевым и его группой, дал ценные сведения.

ОНИ вернулись!

Пока еще не проснувшийся повар готовил ребятам кашу с тушенкой, мы все сидели в землянке, радостные и возбужденные.

— Молодец, Клюев, молодец! — Вот, пожалуйста, проект приказа по дивизии о присвоении тебе звания старшины. Утром он будет подписан и ты можешь принимать роту, — тискал в своих объятиях начальник разведки Клюева. Ему надо было лично доставить унтера в штаб. Ведь по телефону-то уже доложили.

— Извините, товарищ майор, но я из этой батареи уйти не могу. Вот мои родители — комбат и комиссар. Не поручись они за меня, может, трибунал уже определил мою судьбу. А так я, считайте, заново народился. А сыны должны беречь своих родителей, так же, как родители берегли их в младенчестве.

Нет, не вышел у них разговор. Не хотели они понимать друг друга, а к обеду Клюева вызвали в штаб дивизии.

Вернулся он оттуда старшиной. Да еще и с орденом Красной Звезды. Это была его первая награда. А через несколько дней мы узнали, какой разговор имел Клюев с комдивом. После всех поздравлений и распросов генерал сказал:

— А теперь, старшина Клюев, принимайте роту разведчиков.

— Товарищ, генерал, разрешите отказаться от предложения!

—Это не предложение, старшина, это приказ!

— Тогда вот, — Клюев достал трофейный пистолет, который дал ему перед вылазкой начальник разведки. — В нем один патрон. Он для меня. За невыполнение приказа, я знаю, в военное время полагается расстрел. Расстреляйте меня, товарищ генерал, но не забирайте от моих родителей...

Вот так мы с комиссаром и обрели сына-богатыря. А о том, какие события ждали нас впереди, вы уже знаете.

За редактора
О. Н. НОВИКОВА.

В военизированную охрану завода требуются стрелки (мужчины и женщины, трудоспособные пенсионеры). Все работающие обеспечиваются постовой одеждой и бесплатным форменным обмундированием.
Средний заработок — 136 рублей.

Детскому саду № 40 на постоянную работу требуются няни, повар, сторож-дворник.
Обращаться: ул. Тракторная, 78.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам

НАШ АДРЕС И ТЕЛЕФОНЫ: 658201 г. Рубцовск, ул. Комсомольская, 106. ТЕЛЕФОНЫ: редактора — 20-85, ответственного секретаря — 28-25, корреспондентов и фотокорреспондента — 30-12, 34-43, редактора рекламной приемной — 30-36.

АГ — 15152 Типография АТЗ Зак. 349 Тираж 4.030 экз.